

ХАРЬКОВЧАНЕ-ЛИКВИДАТОРЫ 8 26 АПРЕЛЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ РАДИАЦИОННЫХ АВАРИЙ И КАТАСТРОФ

Самая короткая рабочая смена жизни

Фото из архива Александра Колесникова (он стоит крайний справа)

Комсомольский актив 25-й бригады химической защиты, Чернобыль, 13 июня 1986 года.
В белых робах 1-й секретарь ЦК ЛКСМУ Виктор Мироненко (сидит) и 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мишин.

«Это была самая короткая рабочая смена в моей жизни — 75 секунд. В небольшом помещении перед самым выходом на крышу 3-го энергоблока возле монитора сидел оператор, который указывал на фонащий кусок графита. Взять его в руки было равносильно смерти. Но нам нужно было только подвинуть этот кусок к стоящему на крыше роботу. Мы подбегали, подправляли и сразу — мыться. Каждому бойцу перед «путешествием» выдавали индивидуальный дозиметр, но после никому не показывали, сколько «радилов» ты успел получить», — так описывает один из эпизодов ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы Николай Артемов, тогда секретарь комсомольской «первички» Харьковского института механизации и электрификации сельского хозяйства, а ныне доцент кафедры трактора и автомобиля того же вуза, ставшего теперь университетом.

Офицеру запаса Николаю Прокофьевичу тогда было 28 лет. Прошло полтора месяца с момента аварии, когда ему позвонили из военкомата и предложили «работу».

— Объяснений никто не давал, об опасности не предупреждали. Я понимал, что это должен кто-то делать. В Харькове обстановка была непонятная и напряженная, такой же она оставалась для меня до самого приезда в село Ораное недалеко от Чернобыля, — рассказывает Артемов.

Окончание
на 3-й стр.

Самая короткая рабочая смена жизни

◀ Начало
на 1-й стр.

Уже 11 июня Николай Артемов был в палаточном городке за пределами 30-километровой зоны. Бойцам выдали форму со спецпропиткой. Она задерживала пыль, но тело в ней «не дышало», через пару дней хождения в таком обмундировании у ребят начиналась «потничка».

В части ликвидаторам объяснили, что они приехали на смену составу, который уже получил предельную дозу облучения. О влиянии на организм такой «работы» рассказывали мало.

— Там я встретил своего бывшего коллегу и впервые увидел, что такое «радиационный загар». У него был специфический бронзовый цвет кожи. А вид очень уставший, — вспоминает Артемов.

На работу специалисты рекомендовали выезжать лишь раз в три дня. Дозиметристы измеряли уровень радиации и определяли максимальное время «уборки» для ликвидаторов. Излучение, которое могли получить бойцы, — полтора рентгена в день. Были и такие, рассказывает Николай Прокофьевич, которые хотели «нахвататься» за пару дней 25 рентген и поскорее уехать.

— Мне повезло с командиром батальона, он неукоснительно выполнял рекомендации медиков и лично отслеживал, чтобы никто не хватанул лишнего.

Первый выезд для харьковчанина случился через день после приезда в часть.

Лейтенант Н. Артёмов поощрён за самоотверженное выполнение боевого задания. Фото у святыни воинской части.

Снимок середины июля 1986 года

Радиацию невозможно увидеть глазом, почувствовать на вкус или запах, она неощутима. Возможно, поэтому попадались ребята, которые после работы снимали «лепестки» и делали перекуры. А ведь пыль постоянно летала в воздухе.

— Наверное, подробнее нужно было объяснять опасность радиации, чтобы не было этого бравирования храбростью, — вздыхает Николай Прокофьевич. — Четвертый блок тогда так и стоял раскуроченный, и один «юморист» захотел посмотреть, что же там — в разломе. Пошел прямо к нему. Во время заметили, он не дошел метров двести. Его сразу же увезли в Киевский институт медрадиологии.

После первой поездки ушло чувство тревоги, говорит харьковчанин, к тому же ликвидаторы всячески поддерживали друг друга.

или что-то из морских продуктов. Но все же после нескольких выездов у Николая Артемова появилось першение в горле и небольшая осиплость, потом все прошло. «Морское» питание сыграло свою роль.

В четвертом выезде бригаде, которой руководил Артемов, дали задание снимать куски рубероида и смолы с хранилища отходов ядерного топлива, которое находилось «за разломом». Водители разгоняли машину до предельной скорости, чтобы проскочить расстояние около трехсот метров напротив разлома, откуда шел выброс радиации. На крыше хранилища ликвидаторы находились не больше 2 — 2,5 минуты. Поднимали на лопату радиоактивный мусор, скидывали в контейнер, еще пару таких заходов и назад. После обязательно принимали душ, надевали свою одеж-

— Было любопытно, но не страшно, — признается ликвидатор.

Бойцам назначили участок работы. Нужно было снимать часть грунта и грузить его в контейнеры, которые направлялись в могильники. Для защиты выдавали только многослойные марлевые повязки, которые ликвидаторы называли «лепестки».

— Я до сих пор храню переписку с женой. Я пробыл там 54 дня, и эти письма были настоящим глотком чистого воздуха. Не всем ребятам писали, поэтому я охотно делился весточками из дома, — вспоминает харьковчанин.

Кормили ликвидаторов очень калорийно, на столе всегда была морская капуста

ду и уезжали.

— Самое обидное, что где-то за неделю до моего отъезда прислали молодых солдат, ребят по 18 лет. Потом, слава Богу, поняли и откомандировали их назад, — качает головой Николай Прокофьевич.

В свободные от «работы» дни Николай Артемов вместе с другими харьковчанами обустроивал городок: утепляли палатки, чтобы те, кто придет после них, жили с комфортом. Каждый понимал, что ликвидация последствий аварии затянется не на месяц и даже не на два.

По возвращении в Харьков Николай Прокофьевич вскоре ощутил на себе последствия пребывания в зоне — начались головные боли. Здоровье было подорвано навсегда.

Николай Артемов совершил 18 выездов на Чернобыльскую АЭС, половина из которых — для проведения работ по дезактивации территории 3-го энергоблока и хранилища отходов ядерного топлива.

Яна ТАРАСЕНКО.

Фото автора

и из архива Николая Артемова.

